

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английской филологии и сопоставительного языкознания

**Вербализация концептуальной диады «свой - чужой»
в англоязычной прессе**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой
группы

дата

подпись

Исполнитель:
Багуманова Дарья Романовна
обучающийся группы БА-51z

подпись

Руководитель:
к.п.н., доцент
Старкова Дарья Александровна

подпись

Екатеринбург 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОГНИТИВНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ СМИ.....	6
1.1 Концептуальная картина мира.....	6
1.2 Концептуальная специфика англоязычной прессы	9
1.3 Прагматическая специфика современной прессы	16
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ.....	19
2.1 Специфика современной англоязычной прессы с точки зрения ее восприятия читателем.....	19
2.1 Концептуальная специфика противопоставления «свой - чужой».....	26
2.2 Концептуальная специфика «своего»	31
2.3 Концептуальная специфика «чужого».....	35
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	43
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	Ошибка! Закладка не определена.
Лексикографические источники.....	Ошибка! Закладка не определена.
Интернет-источники	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена стремлением российских и зарубежных лингвистов опираясь на когнитивную грамматику раскрыть прагматическую специфику публицистических текстов СМИ, выражение в них диады «свой - чужой», связанной с речевыми стратегиями противопоставления «свой - чужой» и аналогии («свой - свой; чужой - чужой»).

Однако многие вопросы, связанные с публицистикой остаются недостаточно точно освященными и потому привлекают внимание и сейчас. Многие российские и зарубежные лингвисты в настоящее время испытывают интерес к концептуальной, прагматической и стилистической специфике современных текстов СМИ, обращая внимание, например, на новые стандарты обозначения политической корректности, неологизмы публицистики, газетные клише, специфику использования эпитета, сравнения, метафоры, повтора, риторического вопроса и многих других стилистических приемов.

Расширение когнитивной базы публицистики, появление в ней новых слов и выражений большинство современных исследователей связывает с желанием понять постоянно меняющуюся политическую действительность, раскрыть новые события, опираясь на различные речевые стратегии.

Избрание каждым отдельным публицистом той или иной формы аргументации, мотивированной опорой на те или иные речевые стратегии и диады связано не столько с содержанием данного текста СМИ, сколько с желанием оказать психологическое воздействие на аудиторию, убедить ее в верности определенного взгляда на окружающий мир.

Специфике современной прессы посвящено множество работ, составляющих **теоретическую основу** данной работы. Среди них мы выделяем исследования Е.В. Бакумовой, Э.В. Будаева, Ю.В. Вознесенской, В.З. Демьянкова, С.А. Домышевой, О.С. Иссерс, А.П. Чудинова, Ю.А. Храмовой, Д.З.Шапиевой, Е.И. Шейгал и многих других.

Объект исследования – концептуальная диада «свой - чужой» в англоязычной прессе.

Предмет исследования – специфика формирования образа «своего» и «чужого» посредством языковых средств.

Целью настоящей работы является изучение специфики использования концептуальной диады «свой - чужой», обусловленной пониманием, является то или иное государство, тот или иной политик другом или врагом твоего отечества.

Обращая внимание на множество исследований, посвященных публицистике, мы формулируем **задачи** работы следующим образом:

1. охарактеризовать когнитивную специфику современной публицистики и описать ее прагматическую специфику.
2. описать речевые стратегии, связанные с концептуальной диадой «свой - чужой»,
3. проанализировать концептуальную специфику обозначения понятий «свой» и «чужой»,
4. выяснить специфику использования в СМИ различных слов и выражений, связанных с концептуальной диадой «свой - чужой».

Поставленные задачи решались с применением следующих **методов**: теоретический анализ научной литературы, метод систематизации и обобщения, метод концептуального анализа, метод стилистического и прагматического анализа.

Материалом данного исследования являются британские и американские СМИ 15-16 годов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней в обобщенном виде представлены существующие на сегодняшний день исследования в области анализа концептуальной картины мира и языковой специфики подачи материала в СМИ, а также в необходимости исследования концептуальной специфики диады «свой - чужой» в англоязычных текстах СМИ самых последних лет.

Практическая значимость работы состоит в том, что отдельные ее положения могут быть использованы на курсах лингвокультурологии и стилистики английского языка.

Структура. Работа состоит из двух глав, введения, заключения и списка использованной литературы. Первая глава работы посвящена особенностям концептуальной картины мира, представленной в современных текстах СМИ и их прагматической специфике, использованием в прессе различных речевых стратегий. Во второй главе мы анализируем концептуальную специфику формирования имиджа России в англоязычных СМИ, выясняем специфику обозначения концептуальной диады «свой - чужой».

Работа состоит из 53 страниц, библиографический список включает в себя 57 наименований.

ГЛАВА 1. КОГНИТИВНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ СМИ

1.1 Концептуальная картина мира

В целом, необходимо констатировать, что для того, чтобы раскрыть концептуальную специфику каждого отдельного слова, необходимо опираться на определенную когнитивную информацию, интерпретации его языковой личностью (всеми носителями данного языка).

По словам Е.С. Кубряковой, лексическое значение слова представляет собой концепт, «схваченный знаком», имеющий сложный характер по причине его семантической деривации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 90].

Концептуальная картина мира каждого отдельного языка, по словам Дж. Лакоффа, обусловлена тем, что каждый носитель языка опирается на свой собственный опыт, особенно в тех сферах коммуникации, которые подвержены постоянным изменениям [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 396].

Понимание человека окружающего мира обусловлено его желанием концептуализировать и соотносить используемое слово со своим опытом жизни и выражениями, которые он привык использовать.

Формирование каждого отдельного концепта, по мнению большинства лингвистов, проходит многоступенчато и обусловлено необходимостью обработки информации, которую воспринимает каждая отдельная языковая личность, и тесно связано с историей и культурой [**Ошибка! Источник ссылки не найден.; Ошибка! Источник ссылки не найден.; Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Е.С. Кубрякова настаивает, что концепт обусловлен представлениями о тех смыслах, которыми оперирует языковая личность, воспринимая различные «кванты знания [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 97].» Ю.С. Степанов считает, что «концепт - это обусловленное культурой самосознание языковой личности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 265]. По словам В.Н. Телия, концепт - это «знание, структурированное в фрейм, отра-

жающее не только существенный признак референта, но и знание о его специфике [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 14].

В российской лингвистике впервые понятие «концепт» используется в С.А. Аскольдовым-Алексеевым, понимающим его как «мысленное образование, знаменующее отражение в мысли и речи неопределенного множества объектов одного и того же рода [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 3].»

Сегодня выделяют три основных подхода к изучению концептов: когнитивный [**Ошибка! Источник ссылки не найден.; Ошибка! Источник ссылки не найден.; Ошибка! Источник ссылки не найден.**], лингвокультурологический [**Ошибка! Источник ссылки не найден.; Ошибка! Источник ссылки не найден.**] и синкретический [**Ошибка! Источник ссылки не найден.; Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В русле когнитивного подхода семантическая природа слова соотносится с его семантической и морфологической эволюцией.

Е.С. Кубрякова связывает концепт с оперативностью, способностью отражать человеческую деятельность, наличием инвариантного стержня, гибкостью и подвижностью, способностью представлять лишь часть актуализированных смыслов, относящихся к той или иной идее, субъективностью, отсутствием определенной структуры [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Выбирая объективные параметры изучения концептуальной картины мира, практически все исследователи уделяют исключительное внимание словарному составу анализируемых текстов. Слово в концептуальной картине мира рассматривается как элемент структуры языка, сопоставляемый со структурой мира [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 16]. Субъект, творящий новые образы в сознании, находит для их означивания определенные слова, преимущественно готовые, которые хранились в его памяти в результате жизненного опыта.

Категории языка объективно связаны с категориями мышления, эксплицитным (явным) и имплицитным (скрытым) смыслом [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Имплицитные приращения смысла к кодифицированным эксплицитным значениям могут значительно превосходить последние в суммарном объеме информации, извлекаемой из языковых выражений [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. И отношения между ними также различаются от случая к случаю: имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними, модифицируя суммарное содержание высказываний и текстов.

Имплицитные смыслы, заложенные в высказывании, проистекают из знания мира, людей и речевой деятельности — знания мира, характерного для того или иного языка [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

По убеждению Н. Мулуда смысл всегда предшествует высказываниям языка и выходит за их пределы. Исследователь убежден, что смысл возникает, как только на уровне конкретного сознания мира появляется необходимость заполнить определенный пробел. Таким образом, ответ, предвосхищающий ситуацию, выходит за пределы уже имеющихся знаний и не исчерпывает понимания математической сущности, конкретной очевидности, интуиции значения [**Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 317**].

Концептуальная информация разного типа, как известно, выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов. Более того, концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения. Концепты как элементы сознания вполне автономны от языка. Значение слова - это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить его отдельные характеристики данным словом.

Для когнитивистов контекст, на фоне которого определяется языковое значение, является внешним по отношению к системе языка. Значения - это когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения.

При этом центральной идеей, объединяющей многие исследования, стали представления о том, что наши знания организуются с помощью определенных структур - когнитивных моделей - и что категориальные структуры и прототипы - это лишь следствие именно такой организации наших знаний **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Чтобы проанализировать значение того или иного слова в концептуальном аспекте, необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и определенным образом ее структурировать, показав, какие участки этой области и каким образом (посредством какой схемы) «схвачены» знаком, или какие прототипические характеристики легли в основу формирования данного значения. Полное понимание некоторых слов становится возможным в результате привлечения нескольких когнитивных контекстов **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Лингвокультурологический подход связывает концепт эволюцией культуры, исторической и лингвокультурной спецификой мышления, менталитетом языковой личности каждой отдельной этнокультуры **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Концепт, обладающий важными качественными характеристиками, по мнению лингвокультурологов, не может быть жестко структурирован, поскольку связан с самосознанием **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

В лингвокультурологических исследованиях описание концепта обычно обусловлено ссылками на мифологию, фольклор, этнографию, религию, философию и т.п.

Синкретичные теории концепта характеризуются совмещением постулатов когнитологии и культурологии. С точки зрения сторонников синкретической теории, признающих возможность структурирования концепта. Дан-

ное понятие, по их мнению, представляет собой «комплексную мыслительную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои», причем «соответствующие признаки или слои концепта вполне могут не иметь обозначения в языке, так как языковые средства необходимы не для существования концепта, а для выражения его содержания [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 58].»

Таким образом, концепт является основной единицей лингвокультурологии и связан, как правило, с историей развития того или иного народа. В рамках лингвистических учений концепт может быть структурирован.

1.2 Концептуальная специфика англоязычной прессы

Англоязычная пресса, как продукт национального самосознания, характеризуется своей определенной спецификой. Когнитивная специфика текстов и русскоязычной, и англоязычной прессы всецело обусловлена ее принадлежностью к публицистике и политическому дискурсу [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Каждый отдельный дискурс характеризуется присущим ему видением мира и спецификой построения и концептуального содержания текста. Основной целью политического дискурса СМИ, широко представленного в современной прессе, является передача информации о важнейших событиях в мире [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 7].

Концептуальное поле политического дискурса формируется в значительной мере за счёт новой информации обо всем, что происходит в политической, социальной и экономической сферах жизни [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Современный политический дискурс по существу рассматривается как «информационная мозаика [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 65].» Любое событие, любая ситуация, привлекающие внимание журналистов, представлены на страницах современных газет. Иерархия новостей по степе-

ни важности устанавливается обычно объемом и расположением информации: наиболее существенная информация, как правило, более объемна и располагается на первой полосе. Однако информационная свобода современной прессы имеет свою обратную сторону, поскольку далеко не всегда публикуемые в СМИ материалы соответствуют информационным нормам [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 10].

Исследование политической дискурса жизни ведет к пересечению разных сфер знания и связано с анализом формы, задач и содержания коммуникации, обусловленной оценкой определенных политических ситуаций. Пропаганда и осуждение определенных политических установок чрезвычайно характерны для большинства текстов СМИ, которые нередко превращаются в полемические, легко переходят в демагогию. Ведущим признаком политического дискурса является клишированность лексики, а основным средством – устойчивая (в рамках данного дискурса) сочетаемость [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Политическая пресса, по словам О.И. Воробьёвой, отличается от других типов текста тем, что в нем «политическая лексика» терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке; специфичная структура текста – результат иногда очень своеобразных речевых приемов, специфична и реализация стратегии убеждения в излагаемой журналистом гипотезе о современном развитии политической жизни [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 11].

Концептуальная специфика самых различных текстов СМИ распадается на семиотику языка политики и на семиотику политической деятельности или политики как таковой, т.е. деятельности, связанной с достижением цели и реализацией властных отношений между людьми [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 32].

Естественно, что концептуальная специфика всей совокупности текстов СМИ, во многих случаях имеет свою специфику, обусловленную идеологически, исторически, культурно, социально и гендерно [Fowler 1991].

К прессе относят статьи СМИ, транслирующие важные политические и социальные новости в доступной для читателя форме [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 21]. Социальная ситуация коммуникации для современной прессы специфична. Она направлена на пропаганду среди массовой и очень разнородной аудитории определенных мировоззренческих установок.

Современная пресса достаточно часто оказывается тенденциозной и рассчитанной на определенную идеологию, трансформацию общественного мнения [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 46].

Читателями текстов СМИ являются широкие слои населения, внимание которых журналистам приходится так или иначе привлекать, опираясь на различную лексику и стилистические приемы. Их отличительным признаком, по словам Е.И. Шейгал, является клишированность, то есть использование устойчивых словосочетаний различного рода, газетных клише [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 16].

Используемые в СМИ клише служат для читателя своеобразным сигналом, формирующим горизонты восприятия информации, содержа ту или иную эмоционально-оценочную коннотацию.

Стремясь повысить коммуникативную способность текстов в англоязычных СМИ используются, например, такие клише, как *extremist elements* (=группы экстремистов), *subversive elements* (=подрывные подразделения), *resist pressure* (=противостоять натиску), *political arm of a terrorist organization* (=политическое крыло террористической организации), *terrorist activities* (=террористическая деятельность) и т.п.

Использование в современной англоязычной прессе связанных с выражением оценки эмоционально-насыщенных сравнений, эпитетов и метафор обеспечивает воздействие на массы, лаконичность при информационной насыщенности, доходчивость изложения; эмоциональность; непринужденность риторические вопросы; повторы; инверсии и другие средства выразительно-

сти. Все эти приемы уместны в текстах СМИ, избегающих сухой информативности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 56].

По словам А.П. Чудинова, отличительным свойством современной прессы является активное выражение негативной и позитивной оценки по самым различным поводам, эмоциональность, смысловая неопределенность, мотивированная активным использованием различных фигур речи, активное использование прецедентных имен, дистанцированность и театральность [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 75].

Важнейшие для современной прессы позитивная или негативная оценка, а также интенциональная смысловая неопределенность многих высказываний находят свое выражение в широком использовании стилистических приемов, важнейшими из которых являются прежде всего, эпитет, сравнение, повтор, метафора, риторический вопрос [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Оценка политических деятелей, пытающихся так или иначе сохранить и упрочить свое конкурентное преимущество перед другими политиками, дается в современных текстах СМИ максимально часто, поскольку проводимый ими курс политических, социальных и экономических преобразований важен для представителей каждой отдельной нации, понимающих свою ответственность за многие трагедии и беды, происходящие в мире, которые каждый читатель хотел бы предотвратить.

Желание прессы повлиять на мнение читателей во многом обусловлено выражением оценки, которую они дают тому или иному представителю власти, не пытающемуся, по их мнению, решить сложившиеся политические, социальные и экономические проблемы [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 56]. Естественно, что имидж каждого отдельного государства, оцениваемый в современной журналистике во многом меняет коллективное сознание населения, которое в ряде случаев не соглашается с представленной достаточно экспрессивно и эмоционально позитивной или негативной оценкой осуществляющихся в данном регионе мира преобразований.

Оценка эффективности политических и экономических преобразований является важной составной частью англоязычной прессы, желающей критически охарактеризовать государственные решения по наиболее важным для каждого читателя вопросам, а потому желание предсказать, какие изменения в политической обстановке в мире могут произойти [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 8].

По словам Э.А. Навицкайте, оценка журналистами происходящих событий относительна, зависит от эмпатии и может использоваться в противоположном значении в зависимости от «ценностной ориентации» автора того или иного текста СМИ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 9], отсутствие очевидных фактов, доказывающих правомерность конкретной точки зрения, в большинстве случаев не мешает читателям критически отнестись к недостаточно аргументированным оценочным мнениям того или иного журналиста.

Оценка в англоязычной прессе происходящих в мире событий является антропоцентричной и в большинстве случаев субъективной, поскольку обусловлена попыткой понять, может ли тот или иной политический лидер выполнять свои обязанности достаточно эффективно, не злоупотребляя своими полномочиями, можно ли ему доверять, способен ли он осуществить те или иные обещания, которые он дает своим избирателям [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 86].

Субъективно-оценочный характер имиджа того или иного государства во многом обусловлен использованием в текстах СМИ широкого ассортимента, связанного с выражением экспрессивности, оценки и эмоциональности лексических и фразеологических единиц [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 11]. Активное использование в современной англоязычной прессе таких стилистических приемов, как метафора, сравнение, эпитет, во многом связано со стремлением автора убедить своих читателей в том, что политическую обстановку в мире можно улучшить или ухудшить благодаря той или иной политике [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 48].

Поиск смысла метафорического высказывания, например, нацелен на восприятие качественно новой информации, которая предполагает возникновение в воображении образа и уточнение представлений о ситуации, соотносимой с метафорой. Эта качественно новая информация представляет собой единую картину, возникающую в сознании в результате синтеза образного и референтного потоков информации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Метафора, по словам П. Рикера, – это результат одновременного существования двух мыслей, которые дают в своем взаимодействии «значение более богатое, чем каждый из этих компонентов взятый в отдельности» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**,с.437]. Сущность метафоры в концепции А.А. Пшенкина состоит в поиске путей ее скрытого смысла [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 89].

Как нам кажется, важнейшее предназначение метафоры состоит в увеличении числа связей между явлениями мира, в открытии нового, парадоксального родства вещей, их тайного подобия.

Обращая внимание на особенности репрезентации образа России в современных англоязычных СМИ, мы можем убедиться в тесной связи того или иного типа метафорического переноса с прагматической спецификой конкретного публицистического текста, обусловленного определенным отношением автора текста прессы к политической картине мира.

Политика как неуловимое соединение умственной, речевой и социальной деятельности человека осмысляется в тех же базовых образах: машины и механизмы, дороги как частного случая метафоры «канала» и связанных с ней средств передвижения, причем особую роль в осмыслении политики как неискренней деятельности играет метафора театральной игры [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 64].

Специфика взгляда современных англоязычных СМИ на другие страны связано, прежде всего, с субъективной оценкой журналиста: «*Это свой/друг?*» или «*Это чужой/враг?*». Выбор им своего оценочного мнения мотивирован

выражением в статье различных скрытых смыслов, связанных с такими тропами, как эпитет, метафора, сравнение, повтор, ирония. Пытаясь доказать враждебность России журналисты, по словам А.П.Чудинова, фокусируют внимание читателя на стремлении политических лидеров России продемонстрировать свои преимущества, вести двойную игру, в связи с чем метафорическому осмыслению чрезвычайно часто подвергаются лексические единицы, связанные с такими концептами, как «враг», «театр», «спорт», «болезнь», «азартная игра», «хищное животное» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 249].

Англоязычные СМИ следуют также нормам политкорректности и в этой связи избегают в отдельных случаях использования экспрессивных, эмоциональных и оценочных слов, которые могли бы задеть те или иные социальные или этнические группы населения, а потому часто обращается к эвфемизмам и перифразам. Так, например, вместо лексемы *die* на страницах современных СМИ используются выражения *be no more, go west, breathe one's last, join the silent majority, lose one's life* [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 18] и т. д.

Использование, например, фразеологизмов, которые зачастую понимаются как метафорическое или метонимическое использование слова или выражения, лишённые отрицательной коннотации вместо слова или выражения, обладающие отрицательной коннотацией в общественно-политических текстах, часто продиктовано требованиями политической корректности, требующей, чтобы не были морально ущемлены интересы ни отдельных групп людей и общественных объединений, ни конкретного индивида в частности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 39].

power politics - политика с позиции силы;

play politics – вести политическую игру (соблюдая собственные, а не общественные интересы);

too big for one's boots – самонадеянный [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] ...

Фразеология достаточно часто используется в англоязычной прессе там, где необходимо дать субъективную оценку, выразить свое отношение к тому или иному политическому деятелю или событию [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 53].

Таким образом, современная англоязычная пресса характеризуется своими концептуальными признаками, которые, с одной стороны, обусловлены планом содержания (новостная ценность), а с другой – планом выражения или языковой оформленностью (следование нормам политкорректности, активное клиширование фраз, обилие образных выражений).

1.3 Прагматическая специфика современной прессы

Современная англоязычная пресса характеризуется определенной прагматической спецификой, которая обуславливает особенности восприятия содержания реципиентами. Восприятие читателем так или иначе аргументированной точкой зрения, выбранной автором конкретного сообщения СМИ, и манипулятивной стратегией определяются неоднозначностью статуса поля аргументации, которое традиционно определяется как совокупность спорного положения, множества аргументов с вытекающими из них выводами, правилами корректности причинно-следственной связи. Это традиционное определение характеризует поле аргументации как один из структурных компонентов аргументативного процесса, не учитывая коммуникативной обусловленности самой системы аргументации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 73].

Отличительной видовой чертой современной прессы является персонализация взаимодействия, личностно ориентированное взаимодействие. Предполагается, что каждый и журналист, и его читатели признают уникальность представлений о мире своего партнера, принимают во внимание особенности его эмоционального состояния, самооценки, личностных характеристик и в свою очередь рассчитывают на встречное внимание, причем знание каждого отдельного участника спаяно, сплетено с миром, изначально пребывает в не-

дифференцированном потоке переживаний [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 43].

При восприятии современной англоязычной прессы диалогическое сознание и открытая установка на партнера речи лишь имитируются. Человек, воспринимающий тексты СМИ, не может вступить с автором адресованного ему речевого послания в открытый диалог – он может лишь согласиться или не согласиться с предложенной ему версией того или иного события.

Важно отметить, что идеологическая позиция того или иного автора текста СМИ играет решающую роль в выборе тех или иных лексических и фразеологических средств для характеристики и оценки политической, социальной и экономической обстановки, а также действий органов власти. В этом сказывается специфика СМИ как «проповедника» определенной гипотезы или доктрины, выгодной правящей партии или оппозиции [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 54].

Восприятие событий в мире как зрелища обусловлено, прежде всего, экспрессивностью газетного текста, стремящегося завоевать внимание читателя всеми доступными способами, а данная тактика чревата необъективностью подхода, обуславливающей отбор лишь тех фактов, которые подтверждают ту или иную ангажированную точку зрения, и умышленное сокрытие всех прочих фактов, рассматривающихся автором статьи как несущественные и идущие в разрез с поставленной им коммуникативной задачей эмоционального воздействия на широкую читательскую аудиторию, поглощающую газетные тексты подобно другим товарам массового спроса. Коммуникативная задача СМИ, по словам Р. Фаулера, – не описать событие или явление, а убедить или, во всяком случае, создать благоприятную почву для убеждения в дальнейшем, а в конечном итоге побудить к действию [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 66].

Общественное предназначение современной англоязычной прессы в целом сводится к тому, чтобы внушить рядовым гражданам необходимость «политически правильных» действий и оценок [**Ошибка! Источник ссылки**

не найден., с. 32]. В целом цель современной англоязычной прессы – не описать события, а убедить, , дать почву для убеждения и побудить к действию. Сообщения журналистов (за некоторыми исключениями) оперируют символами, а их успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 136].

Как видно, авторы текстов СМИ так или иначе стремятся повлиять на рядового читателя. Другими словами, современная пресса характеризуется с точки зрения прагматики персонализацией взаимодействия и личностно ориентированным взаимодействием, что обуславливает специфику восприятия транслируемого материала реципиентами.

Выводы по главе 1

Концептуальная картина мира каждого отдельного языка постоянно меняется. Ее изменение обусловлено изменениями в политической и социальной действительности, которые отражаются в современных текстах СМИ.

В современной англоязычной прессе преобладают тексты, основная цель которых – высказать не общую, а свою личную оценку тому или иному событию. В связи с этим часто используется экспрессивная и эмоциональная лексика, отражающая мнение автора, выраженная максимально оригинально при помощи конкретной непривычной словесной формулировки.

Экспрессивная и эмоционально-оценочная лексика и различные стилистические приемы, характерные для СМИ, имеют ярко выраженную специфику, связанную не только с пропагандой, но и выражением журналистом своей личной гипотезы.

Такие средства передачи эмотивной экспрессии, как метафоры, эпитеты и сравнения, встречающиеся на страницах современных СМИ, достаточно вариативны, а их значение расшифровывается каждым отдельным читателем весьма вариативно.

Образность современной англоязычной прессы связана с опорой на те или иные фигуры речи, обусловленные желанием журналиста привлечь вни-

мание читателя к конкретной проблеме, подчеркнуть позитивную или негативную специфику той или иной политической ситуации, указать, являются те или иные действия дружескими или враждебными.

Как мы видим, выделяемые современными лингвистами речевые стратегии «противопоставления», «аналогии», «дискредитации» и «защиты» тесно связаны с концептуальной спецификой диады «свой - чужой» в англоязычной прессе, так или иначе представленной практически в каждом отдельном тексте СМИ.

ГЛАВА 2.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

2.1 Специфика современной англоязычной прессы с точки зрения ее восприятия читателем

Очевидно, что современный текст прессы имеет свои специфические языковые черты, которые обусловлены самой спецификой жанра. Для достижения прагматического эффекта авторы статей прибегают к использованию определенных средств языка, что помогает им добиться желаемого воздействия на аудиторию. Желая выразить свое мнение максимально точно и выразительно, журналисты вступают с читателем в открытый диалог, активно используя экспрессивную и эмоционально-оценочную лексику, разговорную коннотацию [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 43].

Разговорная коннотация – эмоционально и экспрессивно оценочное, дополнение к предметному значению языковой единицы – мало характерна для газетно-публицистического текста информативной направленности, ведь функция коннотации – выражение журналистом своего субъективно-оценочного отношения (одобрения, порицания, почтения, пренебрежения, сомнения, иронии, порицания) [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 34].

Именно передача эксплицитных (явных) и имплицитных (скрытых) смыслов составляет основу многих общественно-политических текстов, авторы которых стремятся выразить читателю не мнение партии или редакции, а свой личный взгляд на ту или иную проблему, активно выражая в тексте свои эмоции максимально экспрессивно [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 6].

Экспрессивность текстов СМИ (выражение журналистами своего субъективного отношения к проблеме) связана с эмоциональностью.

Эмотивность, оценочность и экспрессивность являются существенной частью общей выразительности современной англоязычной прессы и обычно имеют место в тех случаях, когда необходимо оказать особо сильное воздействие на восприятие читателя, создавая «эффект обманутого ожидания» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 60].»

Основным средством выражения максимально экспрессивной и эмоционально положительной и отрицательной оценки являются такие стилистические приемы, как эпитет, сравнение, метафора, создается отклонение от штампов при использовании непривычных по своей семантике выражений.

Естественно, что и эпитет, и сравнение, и метафора обусловлены историческими и культурными традициями носителей английского языка: не случайно, что лексика СМИ допускает актуализацию сходных метафорических смыслов и в другом лексическом окружении.

Например:

gravy (the juices that exude from meat during cooking; the sauce made by thickening and flavouring such juices) / подливка (из сока жаркого), соус, сок

gravy (money or gain acquired with little effort, esp. above that needed for ordinary living / лёгкая нажива, незаконные доходы)

be / dip in the gravy – прикарманить общественные деньги [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

board / ride the gravy boat = ride the gravy train (=наживаться; получать незаконные доходы; брать взятки; ≈ нагреть руки на чём-л.)
[Ошибка! Источник ссылки не найден.]

Носители русского языка сходный смысл связывают с другими понятиями областями, например, «*теплое местечко* [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 29].» Естественно, данная метафора оказывается востребованной в СМИ и связывается с выражением журналистом своего «я», личным пониманием несправедливости, обусловленной желанием политиков обеспечить себе преимущество перед обычными людьми.

Экспрессивность эпитета, сравнения, и метафоры во многих случаях мотивировано приданием тексту СМИ высокой экспрессивности и эмоциональности, активным использованием авторских неологизмов.

Обнаружение читателями скрытого смысла того или иного метафорического высказывания в текстах СМИ связано с возникновением в сознании читателей того или иного образа и уточнением представлений об описываемой журналистом оценки политика или ситуации, обозначенной метафорически. Эта качественно новая информация представляет собой образную картину, возникающую благодаря синтезу образного и референтного потоков информации [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 16].

Употребление в современной англоязычной прессе тропов, как правило, зависит не от произвольного выбора журналиста лексики, а от выражения им своего личного мнения, обозначенного скрытого смысла информативного содержания данного текста СМИ.

Метафоры, эпитеты и сравнения в современной англоязычной прессе обеспечивают постоянное переосмысление привычных слов и понятий, гарантирующее новые возможности взгляда на мир, расширение и улучшение знания о событиях в мире и способности понять, соотнести, казалось бы, несоотносимые вещи.

Активное использование журналистами слов в переносном значении представляет собой пример языковой игры, обеспечивающей необходимость

постоянного осмысления и переосмысления метафоры на основе контекста статьи, предлагающего определенные подсказки к интерпретации метафоры [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 8].

Необычность ассоциативных связей и самой языковой формы метафоры придает текстам СМИ эмотивно-экспрессивное своеобразие, свойственное художественной литературе, также часто использующей различные фигуры речи.

Для эмоциональных и экспрессивных сравнений характерна функция создания особого эмоционального фона, который может определить общую направленность и стиль текста, и способствуя целостности текста как отдельного речевого акта обладающего своей коммуникативной направленностью. В эмотивно-экспрессивных сравнениях в качестве объекта сравнения, как правило, используются определенные ситуации, сопоставляемые по комплексу вызываемых ими эмоций с референтной ситуацией. Подобные сравнения могут состоять из нескольких предложений, оснащаться другими фигурами речи для придания современной англоязычной прессы большей эмоциональности, убедительности и экспрессивности [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 12].

Эпитет субъективен и связан с выражением эмоциональной окраски. Эмоциональное значение в эпитете чаще всего сопровождается предметно-логическое значение, либо существует как единственное значение в слове, при помощи которого журналист дает собственную оценку изменениям в мире [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 62].

Экспрессивные и эмоционально - оценочные эпитеты включаются в современную англоязычную прессу как готовые единицы и тем самым мало чем отличаются от других слов, если бы не присущая им эмоциональность позитивной или негативной оценки, выражение автором личного мнения о том или ином политическом или общественном явлении [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 10].

Однако с течением времени некоторые эпитеты перестают восприниматься как нечто субъективное, превращаются в газетные клише (например, а populist demagogue).

Например:

populist = appealing to the interests or prejudices of ordinary people

demagogue = a political agitator who appeals with crude oratory to the prejudice and passions of the mob [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Во многих случаях использующиеся в современной англоязычной прессе эпитеты тесно связаны с метафорическим переосмыслением. Поиск субъективного смысла метафоры и эпитета связан с обозначением журналистом своей личной оценки, которая предполагает возникновение у читателя желания вступить с журналистом в открытую дискуссию, соглашаться с ним или возражать ему.

Стремление автора или заказчика того или иного текста СМИ популяризовать конкретную политическую оценку того или иного феномена, факта или способностей конкретного политика, по мнению А.П. Чудинова и многих других исследователей, в большинстве случаев опирается на эмоционально-экспрессивную метафору, которая обеспечивает «смежность фреймов, репрезентирующих разные концепты», позволяющую осуществить стратегически и коммуникативно значимые «незаметные для слушателя переходы от одного концепта к другому» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 54]. Опора на метафоры с исходными концептуальными сферами «криминал», «война» и «болезнь», по словам А.П. Чудинова, помогает сформировать в сознании читателя ощущение опасности, агрессивности и тревожности, убеждающее его во многих случаях в правомерности осуществления определенной политической стратегии [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 7].

Экспрессивность современной прессы притягивает читателя к газетному тексту, опирающемуся на метафорическое переосмысление окружающих человека феноменов и способности современных политиков выработать стратегию, обеспечивающую одновременно и высокий рейтинг собственной

страны в сознании ее граждан и населения всего мира, и сохранение партнерских доверительных отношений со «своими» государствами (т.е. принадлежащими к одному политическому лагерю) и противостояние «чужим» государствам (т.е. принадлежащим к чуждому враждебному политическому лагерю).

Формирование образов «свой и «чужой»» в современных американских и британских газетах и журналах тесно связано с выбором того или иного слова или выражения, использованием широкого ассортимента фразеологических и лексических средств выражения семантических и стилистических категорий оценочности, экспрессивности и эмотивности. Данные средства в большинстве случаев являются фигурами речи (метафорами, эпитетами, гиперболоми, сравнениями, метонимиями, антитезами, литотами и т.п.), используемыми автором для вербализации конкретной коммуникативной / речевой (информационной, оценочной и аргументативной) стратегии или комплекса речевых действий (синтаксических, лексических и стилистических средств), направленных на убеждение читателя в правильности высказанной журналистом точки зрения [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 11].

Речевые стратегии, представленные в прессе, обеспечивают «конструирование, формирование и изменение взглядов читателей в соответствии с идеологией издания» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 18].

Современные исследователи политического дискурса в большинстве случаев обращают внимание на такие речевые стратегии, как стратегия манипуляции, самопрезентации, поддержки / защиты, рекламы, идеализации («игра на повышение»), дискредитации / диффамации, осуждения, атаки / нападения, презрения («игра на понижение»), компромисса, сочувствия, конфликта, поляризации (контраста, противопоставления), модальности, достоверности, умолчания, аллегории, возврата в прошлое, гиперболизации, игнорирования реальных фактов, ограничения информации, создания относительной объективности [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 26] и т.п.

Выражение поляризации, контраста или противопоставления находит свое выражение в термине «диада» (англ. dyad (=a group of two; couple)), используемом, например, Ю.А. Храмовой, настаивающей, что противопоставление «лицемерие\искренность», является ключевым для англоязычной прессы настоящего времени [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 8].

В структуре конкретного текста СМИ использование каждой из перечисленных речевых стратегий обусловлено стратегией оценки, а именно желанием журналиста либо объективно оценить деятельность того или иного политического деятеля, выделив в ней и отрицательные, и положительные моменты; либо предвзятостью автора, целенаправленно и систематично прибегающего к игнорированию реальных фактов, ограничению информации, манипуляции, намеренной игре на повышение или понижение.

Современная пресса, пытающаяся быть максимально объективной в оценке того или иного политика, или, напротив, стремящаяся использовать все средства для его дискредитации или увеличения популярности, исследует самые разнообразные вопросы, тесно связанные с желанием продемонстрировать его профессиональную деятельность и личную жизнь извне и изнутри. Опираясь на те или иные коммуникативные стратегии (сочувствия, осуждения, контраста, модальности, достоверности, умолчания, возврата в прошлое. Большинство печатных изданий стремится подвергнуть критике тех политических лидеров, которые, по их мнению, используя свои властные полномочия, не обращают внимания на трудности жизни большинства граждан своего государства и населения всего мира.

Вне зависимости от того, моделирует автор имидж дружественного политического деятеля или актуализирует в его адрес негативную оценку (расценивая его как чужого\враждебного), использование лексических и фразеологических экспрессивно-оценочных и эмоционально-оценочных средств играет решающую роль для создания яркой образности текста, а, значит, и для привлечения внимания широкой читательской аудитории.

Речевая стратегия дискредитации является ключевой в тех текстах СМИ, в которых автор описывает все «чужое», чуждое или враждебное [Ошибка! Источник ссылки не найден.,с.25].

Использование в современной англоязычной прессе речевых стратегий противопоставления в большинстве случаев является средством наглядно продемонстрировать массовому читателю концептуальную диаду «свой - чужой».

Журналисты в большинстве случаев опираются на речевые стратегии аналогии, доказывая, что политическая карьера многих политических деятелей развивается по сценарию «свой» или «чужой».

Аргументация правомерности позитивного или негативного взгляда на того или иного политического деятеля, представленная в политическом дискурсе современных СМИ с речевой стратегией возврата и использованием ключевых для данной лингвокультуры прецедентных имен. Так, например, дополнительная опора на речевые стратегии аналогии с политикой А. Гитлера, О. бен Ладена имеет место быть при оценке того или иного политического лидера как чужого или враждебного [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 9].

Применение речевой стратегии, аналогии с политикой А. Линкольна, Дж. Вашингтона и У. Черчилля, напротив, в британской и американской прессе обусловлено оценкой политика как заслуживающего уважения или «своего», обладающего теми или иными навыками эффективного управления и руководства страной этих выдающихся людей.

2.1 Концептуальная специфика противопоставления «свой - чужой»

Использование в англоязычных текстах СМИ речевой стратегии противопоставления обусловлено пониманием России как «чужой», а именно страны, решившей идти не по пути развития демократии, возможности инакомыслия, а по пути диктатуры власти, преследования всех несогласных и подавления какой бы то ни было критики.

The TV vs. the Fridge

In Russia, economic decline isn't translating into dissatisfaction with Putin. Here's why.

In Russia they call it the “battle between the television and the fridge” — the tension between propaganda-fueled patriotic euphoria and a darkening economic reality [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

В данном случае речевая стратегия противопоставления представлено открыто при помощи предлога *vs* (*versus – против*).

Противопоставление журналистом предметов быта обусловлено не стимуляцией к покупке телевизора (*The TV*) или холодильника (*the Fridge*), а желанием понять дальнейшее развитие политической ситуации в России: останутся ли дальше рядовые россияне преданными своему президенту, будут и дальше покорно смотреть телевизор и одобрять тактику Кремля или же критически оценят сложившуюся обстановку, заглянув в собственный холодильник и не обнаружив там многих любимых ими продуктов по причине их дороговизны или отсутствия в продаже по причине российских санкций.

Which of these will matter more to the Russian people? Which will influence their opinion of their government?

First, the case for the fridge. Most of the objective data point to Russia doing badly.

Inflation is up. Wages have fallen. Economic growth is not just lower but shrinking. Falling oil prices have hit the country's economy hard (oil constitutes 50 percent of government revenue and 70 percent of exports). People and businesses are defaulting on loans. The currency has gone to the dogs. Life expectancy is still very low. And the IMF has predicted that Russia could lose up to 9 percent of GDP due to the economic sanctions imposed by the U.S. and EU [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Использование в данном случае риторических вопросов напрямую связано с лидирующей ролью в данной статье речевой стратегии противопоставления.

Использование в данном случае широкого ассортимента экономических и социальных реалий *Inflation* (инфляция), *Wages* (заработная плата), *Economic growth* (экономический рост, развитие экономики), *oil prices* (цены на нефть), *default* (не выполнять своих обязательств (по контракту, соглашению, долгу), *currency* (валюта), *Life expectancy* (продолжительность жизни), *IMF* (МВФ), *GDP* (ВВП), *economic sanctions* (экономические санкции) во многом обусловлено предложениям россиянам критически оценить сложившуюся экономическую и социальную ситуацию в России, осознать, что оценка ее в российском телевидении не заслуживает доверия.

When it comes to how people perceive their country, on the other hand, things are looking positively balmy in Russia. According to Gallup World Polls, confidence in the military is up 13 percent. Approval of the government is up 27 percent. Despite the objective reality, satisfaction with living standards is up 13 percent while confidence in financial institutions is up 6 percent. Put simply, despite living in a country in decline, the Russian people are responding to surveys more positively than they did a year ago. As a result, Russia has surged in the Legatum Institute's recently released Prosperity Index in 2015 — from 68th to 58th place in just one year [Ошибка! Источник ссылки не найден.]

В целом речевая стратегия противопоставления во многом обусловлена контрастом в данной статье тоталитарной и коррумпированной России (*Russia*) либеральным и более экономически устойчивым странам Запада (*U.S.* (United States (of America) - США), *EU* (European Union - ЕС, Европейский Союз).

Этот контраст в данном случае активно дополняется опорой на речевую стратегию достоверности и опоры на факты (указанием автором международной статистики (*decline* - ухудшение, угасание (здоровья, жизненного уровня)), доказывающую экономическую несостоятельность России.

Однако речевая стратегия достоверности и опоры на факты находит свое выражение и в статистических данных, подчеркивающих, что рядовые россияне несмотря на экономический кризис демонстрируют рост доверия к финансовым

организациям (*financial institutions*) и веру в экономическое процветание (*Prosperity (the condition of prospering; success or wealth)*).

Все это демонстрирует большой контраст объективного положения вещей и субъективного отношения к окружающей реальности большинства россиян, не желающих понять катастрофичность сложившейся в России ситуации, с точки зрения западных СМИ.

В целом автор данной статьи рассматривает россиян, доверяющих государственному телевидению и неспособных критически оценить окружающую реальность как «чужих», а россиян, встревоженных отсутствием в их холодильнике важных для них продуктов как «своих».

Активное использование негативно оценочных эпитетов и метафор, помогают журналистам выразить важную для них информацию максимально выразительно, тем самым, предлагая читателям согласиться с представленном в данном случае образа «чужого» или же, напротив, не согласиться и даже возмутиться.

Fresh attack on Russian opposition leader amid crackdown on critics

Pro-Kremlin protesters have thrown eggs at opposition leader Mikhail Kasyanov in the Russian city of Vladimir just days after a cake was thrown in his face in Moscow, stepping up an intimidation campaign ahead of the anniversary of the murder of his ally Boris Nemtsov [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

В данном тексте СМИ введение в статью негативной оценки современного имиджа России обусловлено эпитетами негативной оценки текущей администрации Кремля «*crackdown*» (*силовое воздействие, репрессивная акция, карательные меры*), «*intimidation*» (=запугивание; устрашение, отпугивание), при помощи которых журналист выражает свое возмущение по поводу все более накаляющейся политической обстановки в России.

Обозначение когнитивной специфики преследования и уничтожения российской оппозиции в данном примере связано также с использованием метафоры «*step up*» (ступать, шагать, делать шаг, увеличивать; усиливать,

повышать), указывающей на осознание журналистом гибели Б. Немцова как убийства, в котором заинтересована администрация Кремля.

Доказывая правильность своего оценочного мнения, журналист активно опирается на речевые стратегии противопоставления и опоры на факты, тем самым, расценивая российскую оппозицию, прежде всего, Б. Немцова как «своего», а нынешнюю российскую власть, прежде всего, В. Путина как «чужого».

Chanting “Kasyanov is a traitor”, demonstrators targeted the politician, who was prime minister of Russia until 2004 and now heads the liberal Parnas party, as he arrived for a meeting with journalists.

Kasyanov was co-chairman of the party with Nemtsov before the latter’s assassination, and will lead it into parliamentary elections in September.

On Tuesday night, unidentified men called Kasyanov an “American agent” and threw a cake in his face in a Moscow restaurant [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Использование в данном случае эпитетов-клише негативной оценки «*traitor*» (предатель) и «*American agent*» (агент США) связано с выделением образа «чужого» и подчеркивает понимание журналистом политической обстановки в России как своего рода истерии, напоминающей эпоху правления И. Сталина.

Как мы видим, автор активно стимулирует читателя к пониманию современной политической ситуации в России как антидемократической и олигархической, тем самым, выделяя представителей российской оппозиции, Немцова, Касьянова, партию «Парнас» как «своих».

In Russia, rhetoric from Putin ally stokes fear of new assassinations

Two journalists on an opposition-minded television station, TV Dozhd, mockingly begged Kadyrov for clemency. But others were more cautious.

“These are unprecedented statements on his part,” Navalny said Tuesday. “They are repeating what they did a year ago because there was no official repri-

mand.” Navalny likened Kadyrov’s Tuesday editorial to those written “in 1935 or 1937,” the years of major Joseph Stalin purges.

“Nobody believed Nemtsov could be killed,” Navalny said. “Nobody knows whether anything could happen after these words [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].”

Речевая стратегия аналогии в текстах СМИ, посвященных современной России, применяется и благодаря позитивно-оценочному сходству, которое в данном случае связывается со всем «своим», а именно российской оппозицией (*Nemtsov - Navalny*).

Она противопоставляется негативно-оценочной аналогии, связанной со всем «чужим», представленным в данном тексте такими именами собственными, как *Putin, Kadyrov, Joseph Stalin*, сопоставлением современности с *1935 – 1937 годами*.

Использование оборота «*fear of new assassinations*» (страх новых убийств) мотивирует в данном случае однозначной интерпретации и Сталина, и Путина, и Кадырова как «чужих», а именно политиков преступных.

Необходимо отметить, что прагмалингвистическая установка на речевую стратегию дискредитации, так или иначе представленную практически в каждой современной англоязычной статье о России во многом находит свое отражение еще в заголовке статьи, формулировка которого во многом определяет, захочет ли тот или иной читатель прочитать данный текст, вступить с его автором, реальными политическими деятелями и свидетелями данного военного конфликта в открытый диалог, свободный и непринужденный обмен мнениями, выраженными достаточно экспрессивно и эмоционально.

2.2 Концептуальная специфика «своего»

Концептуальная специфика «своего» связана с активным использованием широкого ассортимента лексических средств, связанных с выражением позитивной оценки, пониманием «своего» как стремящегося к демократическим преобразованиям или подвергающегося насилию со стороны агрессора.

Ukrainian soldiers share horrors of Debaltseve battle after stinging defeat

A long line of military vehicles crawled north on the highway leading out of the abandoned government positions in Debaltseve in eastern Ukraine, pulling a motley assortment of half-destroyed ambulances, trucks without wheels and tanks without treads.

Those soldiers who had managed to get out of the ruins of the besieged town were immediately recognisable, their wide eyes staring out from a thick coating of grime as they waited for buses to take them back to Artemivsk. A group of national guardsmen fired their Kalashnikov assault rifles in the air to celebrate their close escape [Ошибка! Источник ссылки не найден.]

Использование в данном заголовке экспрессивных и эмоционально-оценочных метафор *horror* (extreme fear; terror; dread is a thing or person causing fear, loathing - ужас, страх, боязнь, опасение, тревога, угнетённое, подавленное состояние) и *stinging* (inflicting a wound on an organism by the injection of poison - causing to feel a sharp mental or physical pain / жалящий; жгучий - болезненный, ощутимый) [Ошибка! Источник ссылки не найден.] обусловлено желанием журналиста опереться на имплицитные интенциональные смыслы, стимулирующие читателя задать себе вопросы «Что за ужасные события имеют место в Дебальцево? Кто же – виновник многочисленных страданий и смертей?», тем самым расценивая Украину, испытывающую на себе агрессию со стороны России, использующей свое вооружение не для обороны, защиты своих границ, а для агрессии, захвата соседних государств, подчинения их своему влиянию.

Обращает на себя внимание активное использование журналистом не только тех или иных стилистических приемов, но и национально-культурных реалий, прежде всего имен собственных. В данном заголовке используется прецедентный топоним «*Debaltseve*», стимулирующий читателя опираться на него в своем поиске достоверной информации о событиях в данном регионе. Помимо данного топонима автор данной статьи использует также другие прецедентные топонимы (Ukraine, eastern Ukraine, Kiev, Artemivsk, village of

Luhanske, Chechnya, Russia, France, Germany, Minsk, European Union, Olenivka, Donetsk, Mariupol, Donbass, village of Shirokyne) и антропонимы (Vladimir Putin, first lieutenant Yuriy Prekharia, Petro Poroshenko, combat medic Albert Sardarian, Prekharia, Sardarian, a soldier named Igor Nekrasov, rebel leader Zakharchenko, Пля Кива, Semyon Semyonchenko, Viktor Muzhenko, Kalashnikov), так или иначе связанных с диадой «свои» (Petro Poroshenko) и «чужие» (Vladimir Putin).

Использование широкого ассортимента имен собственных, указывающих не только известные регионы и города мира (Ukraine, Kiev, Russia, France, Germany, Minsk, European Union, Chechnya), известных политических деятелей (Petro Poroshenko, Vladimir Putin) и талантливых изобретателей военного оружия (Kalashnikov), но и мелкие населенные пункты и рядовых участников данного военного конфликта (Igor Nekrasov, Пля Кива...) во многом указывает на опору данного автора статьи на речевые стратегии достоверности, подачи информации в максимально полном объеме и вместе с тем прагматической установки подтолкнуть читателя расширить свой круг коммуникации, вступить в диалог не только с автором данной статьи, но и теми рядовыми людьми, которые смогут поделиться с ним той информацией, которую они получили сами, пострадав так или иначе от военных действий, став очевидцами данных событий, другими читателями, которые могут оставить свой комментарий рядом с прочитанным текстом, тем самым подчеркивая, заслуживает ли данная статья внимания, является ли она достоверной, интересной, стимулирующей рост политической активности обычных граждан, которые в отдельных случаях могут оказаться в ловушке той или иной идеологической пропаганды, опирающейся на речевые тактики манипуляции, рекламы, идеализации, умолчания, игнорирования реальных фактов, ограничения информации.

Обратив внимание, мы можем обнаружить следующие вопросы «What agreements can we have with terrorists?», «What hindered us in Debaltseve?» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Необходимо отметить, что дан-

ные вопросы обусловлены выражением несобственной прямой речи реальных рядовых участников данного военного конфликта и потому стимулируют читателя задуматься вместе с ними, что собственно происходит на Украине, кто является виновником военного насилия, социального и экономического хаоса, как можно помочь жителям данного региона преодолеть проблемы, заставить виновников данной войны отказаться от своих преступных планов.

Использование автором данной статьи риторических вопросов и прецедентных реалий в целом обусловлено речевой стратегией возврата в прошлое, является выражением директивного речевого акта, стимулирующего читателя провести параллель между войной и нестабильностью в Чечне, войной и нестабильностью на восточной Украине (Ukraine – Russia – Chechnya), выяснить, почему в военном конфликте участвует русскоязычное население и российская военная техника.

Солидарность автора с Украиной, страдающей от войны, обусловлено пониманием жертвы, человека или государства, подвергающегося насилию и желающего защищать свой суверенитет и независимость как «своего».

Если мы обратим внимание на другие тексты СМИ, связанные с интересом к военному конфликту на Украине, то мы сможем обнаружить, что использование косвенных вопросов во многом связано с желанием стимулировать читателя к активному интересу, выяснению, почему обстановка в мире такая напряженная, кто испытывает на себе агрессию, с кем нужно проявить солидарность, считать это государство «своим».

Так, например, статья «Ukraine crisis: Battle rages for Debaltseve despite truce» опирается на такие риторические вопросы, как «*Why is conflict so violent?*», «*Who benefits from ceasefire deal?* [Ошибка! Источник ссылки не найден.]”

Статья «Retreating Soldiers Bring Echoes of War’s Chaos to a Ukrainian Town» заканчивается риторическим вопросом «*What do you expect after a battle?*» [Ошибка! Источник ссылки не найден.], тем самым стимулируя чита-

теля не остановиться на данной статье, а вооружившись данным вопросом продолжить свое выяснение полной правды о царящем в мире произволе и сформировать свою жизненную позицию, пытаясь помешать реальным виновникам и зачинщикам данной войны добиться поставленной ими своекорыстной и нарушающей нормы международного права.

Однако имплицитные интенциональные смыслы, обусловленные интерпретацией каждого отдельного текста СМИ как, прежде всего, директивного речевого акта отнюдь не ограничиваются использованием лишь такого стилистического приема, как риторический вопрос. Авторы текстов СМИ опираются на широкий ассортимент различных стилистических средств, стимулирующих читателя не оставаться в стороне от данного военного конфликта, внести свой, пусть даже и весьма незначительный вклад в мировую историю, стимулируя себя, окружающих, политические органы своей страны и других государств помешать развязыванию возможной третьей мировой войны, уничтожению прав и свобод рядовых граждан отказаться от участия в данном военном конфликте на стороне агрессора, заставить агрессора, если не остановить эскалацию мирового военного конфликта, то хотя бы быть более осторожным, опасаться возможного очередного Нюрнбергского процесса над политическими деятелями, пожелавшими увеличить свое влияние и капитал ценой страданий и гибели рядовых граждан.

Использование, например, высказывания «*Witnesses said the number of dead would likely grow considerably* [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].» Это обусловлено речевой стратегией модальности, связано с выражением имплицитных интенциональных смыслов при помощи экспрессивной метафоры «*grow*» и эпитетов «*likely*», «*considerably*», связанных с выражением директивного речевого акта, направленного на использование всех допустимых средств ради восстановления мира на Украине и устранения возможности очередной мировой войны.

2.3 Концептуальная специфика «чужого»

Концептуальная специфика «чужого» связана с активным использованием широкого ассортимента лексических средств, связанных с выражением негативной оценки.

*Putin is a human rights abusing oligarch. The British left must speak out
A rightwing authoritarian leader who attacks civil liberties, stigmatises lesbian, gay, bisexual and transgender people, indulges in chauvinistic nationalism, is in bed with rapacious oligarchs, and who is admired by the European and American hard right. Leftwing opposition to Vladimir Putin should be, well, kind of an obvious starting point* [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Характеристика В. Путина как антидемократического и олигархического «*human rights abusing oligarch*» указывает, что он – «чужой» для Запада, а потому ему доверять нельзя.

Использование в данном случае широкого ассортимента средств выражения экспрессивной и эмоциональной оценки, эпитетов «*abusing*» (жестокый, насильственный), «*oligarch*» (олигарх), «*authoritarian*» (авторитарный), «*stigmatise*» (клеймить, позорить; поносить), «*chauvinistic*» (шовинистический), «*obvious*» (очевидный, заметный), метафор «*attack*» (атаковать, нападать), «*rapacious*» (хищный (о животных) \ жадный, алчный), «*starting point*» (исходный пункт, рубеж\ отправной пункт, отправная точка) обусловлено выражением журналистом гипотезы, что Запад должен вмешаться в царящее в России беззаконие, помочь оппозиции, противостоять враждебному либерализму и демократии Кремлю.

Использование журналистом когнитивных метафор-клише «*rightwing*» (the conservative faction of an assembly, party) и «*leftwing*» (the leftist faction of an assembly, party, group, etc.; the radical or progressive wing) обусловлено желанием журналиста подчеркнуть, что его газета *The Guardian* является либеральной, демократичной (*leftwing*) и потому консервативная (*rightwing*) политика Москвы рассматривается им не только как недопустимая, но и преступная, абсолютно чуждая и неприемлемая.

Putin has become something of an icon for a certain type of western rightwinger. Donald Trump is a fan: when Putin called the rightwing demagogue a “very colourful, talented person”, Trump called it a “great honour” and described Russia’s strongman as “a man highly respected within his own country and beyond[Ошибка! Источник ссылки не найден.]”

Выражение возмущения диктатурой В. Путина и преданных ему представителей других органов власти в данной статье связано также с использованием метафор «*icon*» (икона \ символ; идол; знаковая фигура), «*strongman*» (сильный человек, сильная личность \ властный человек), указывающих на одобрение Д. Трампом подобного стиля управления. Речевая стратегия аналогии в данном случае позволяет расценивать как чужого не только В. Путина, но и Д. Трампа, тем самым, намекая американцам, что им не следует за него голосовать на будущих выборах президента, поскольку этот человек – опасный.

Связанные в данном случае с выражением позитивной оценки и восхищением Д. Трампа личностью российского президента эпитеты «*colourful*» (красочный, яркий), «*talented*» (талантливый, даровитый, одарённый, способный), «*great*» (великий), «*honour*» (слава, почёт, честь), «*highly respected*» (глубокоуважаемый, достопочтенный, многоуважаемый) в значительной степени оспариваются журналистом, считающим, что В. Путиным нельзя восхищаться. Он расценивается автором данной статьи, возмущенным и В. Путиным, и Д. Трампом, как «*demagogue* \ *демагог*» (тот, кто прибегает к высокопарным рассуждениям, пустой болтовне, прикрывающей корыстные цели, применяет лживые обещания, преднамеренные искажения фактов, используемые для достижения своекорыстных политических - целей).

We don’t have to choose between critiquing our own foreign policy and opposing unjust foreign governments

Sure, the west’s attitude towards Putin is hypocritical. When Putin prosecuted his savage war in Chechnya, there was none of the western outrage later meted

out when the Russians annexed the Crimea [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Автор открыто выражает свое возмущение агрессивным поведением России (дикой, жестокой войной в Чечне (*savage war in Chechnya*) и аннексией Крыма (*when the Russians annexed the Crimea*), подчеркивая, что у честного человека, обеспокоенного царящим произволом в мире нет выбора (*We don't have to choose between critiquing our own foreign policy and opposing unjust foreign governments*). Использованный в данном случае эпитет «*unjust*» (несправедливый) мотивируется призывом журналиста к восстановлению справедливости.

Использованное им модальное слово «*Sure*» (конечно, непременно, безусловно), подчеркивает необходимость каждому читателю задать себе вопрос «Нужно ли противостоять агрессии России?», осознать действия России как жестокую, беспощадную войну (*savage war*).

Используемые в данном случае эпитеты и метафоры *savage* (дикий\ жестокий, беспощадный, злой, свирепый\ грубый, невоспитанный, бескультурный, нецивилизованный), *hypocritical* (лицемерный, притворный, ханжеский) подчеркивают обеспокоенность журналиста чуждыми для него проявлениями в России деспотизма.

But for the left, opposition to Putin should go without saying. Those who claim the left as a whole is soft on Putin are disingenuous at best: as, indeed, this article illustrates. But why are some silent, or even indulgent? Firstly, some profess a fear that – by critiquing those who are already supposedly bete noires of the west – the left will provide cover for western military expansionism. We become cheerleaders for western foreign policy, in other words, feeding the demonisation of foreign foes that is a necessary precondition for conflict. Secondly, it is seen as hypocritical: look at, say, the calamities of Iraq or Libya. Should we not focus on what our governments get up to, rather than what foreigners get up to elsewhere, which is in any case well covered by the mainstream press and political elite? [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В этом случае пониманием журналистом России как «чужого» или антидемократического государства обусловлено не только использованием различных эпитетов «*disingenuous*» (лицемерный; хитрый, хитроумный; изворотливый), «*indulgent*» (снисходительный; терпимый) и метафор «*demonisation*» (демонизация, очернение), *calamity* (беда, бедствие, катастрофа), при помощи которых автор выражает свою уверенность в необходимости срочно вмешаться, стабилизировать напряженную обстановку в России, но и риторических вопросов.

Риторический вопрос «*But why are some silent, or even indulgent?*», обусловлен пониманием журналистом, что со снисходительным, терпимым отношением к проявлению Россией тоталитаризма необходимо незамедлительно покончить.

Риторический вопрос «*Should we not focus on what our governments get up to, rather than what foreigners get up to elsewhere, which is in any case well covered by the mainstream press and political elite?*», мотивирован пониманием журналистом, что рядовые британцы должны заявить о себе, стимулировать Парламент к принятию важных решений, заставить политическую элиту (*political elite*) и господствующие СМИ, отражающие общепринятые взгляды (*mainstream press*) изменить свою позицию, встать на сторону автора, проявить себя как «своего» человека.

Yes, there is something rather absurd about the baiting of the anti-war left for not protesting against, say, Putin or North Korea. The baiters are always free to organise their own demonstration (I would be happy to join), and protest movements can only realistically aspire to put pressure on governments at home, whether it be on domestic policies or alliances with human rights abusers abroad (whether that be, say, the head-chopping Saudi exporters of extremism, or Israel's occupation of Palestine). In democracies, protests that echo the official line of governments are rare. If the west was actively cheering Putin on and arming him to the teeth, we might expect more vociferous opposition [Ошибка! Источник ссылки не найден].

Автор в данном случае в качестве «чужих» выделяет В. Путина, Северную Корею, Саудовскую Аравию и даже Израиль, который в данном случае оказывается «чужим» или поступающим некорректно из-за оккупации Палестины (*Israel's occupation of Palestine*).

Используя наречие «Yes» (да), автор подсказывает читателю, как он сам ответил бы на поставленный им ранее риторический вопрос «*Should we not focus on what our governments get up to, rather than what foreigners get up to elsewhere, which is in any case well covered by the mainstream press and political elite?*», тем самым, стимулируя читателя к активным социальным действиям, выражению протеста не только по отношению к Москве и Пхеньяну, но и к собственным органам власти, которые расцениваются им как «чужие».

Он сам открыто выражает свою готовность противостоять всем тем людям, которые готовы поддержать тоталитаризм и насилие.

Используя гиперболу «*arm Putin to the teeth*» \ «вооружить до зубов» и эпитет «*unjust*» автор намекает читателю, что всякий человек, симпатизирующий проявлениям насилия является для него чужим.

Речевая стратегия аналогии в текстах СМИ, посвященных СССР, во многом обусловлена обращением журналиста к историческому прошлому России, пониманием всего советского и чекистского как «чужого», всего антисоветского и прозападного (либерального, демократического) как «своего».

Litvinenko's murder shows why Putin's Russia will never prosper

The events are horrifying enough – any Londoner could have been harmed – but perhaps even more telling is the window it provides into today's Russia. This is a world of routine contract killings, always deniable because they are delivered at arm's length, by a state security service intertwined with clandestine gangsters.

The KGB was the security wing of the Soviet Communist party. The FSB is Putin's personalised security wing. Its job is to wreck the reputations – and even kill – all those who challenge the regime. Not even China mandates the killing of its nationals anywhere in the world if they say something that President Xi Jinping considers libellous. This is the law not even of a communist dictatorship, but of a

tsar. The reaction to Litvinenko's death in Moscow was carelessly gleeful: a traitor had received his just comeuppance [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Эта стратегия в данном случае находит свое выражение в использовании политической реалии *KGB* (*Комитет государственной безопасности, КГБ*), отсылающей читателя к «чужому» и для автора, и большинства читателей, а именно массовым репрессиям начала XX века, уничтожению противников советского режима без суда и следствия.

Ее аналогия с *FSB* (*Russian Federal Security Service*) обусловлена разделением этой могущественной силовой структуры бывшего СССР, образованием на ее основе в 1995 году ФСБ, которая по мнению автора, почти ничем не отличается от КГБ, поскольку убийство В.Литвиненко было совершено ее членами.

Эта стратегия в данном фрагменте находит свое выражение в сопоставлении России / СССР с другой страной бывшего коммунистического лагеря, Китаем (*China*). Использование негативно-оценочного эпитета *libellous* (клеветнический, очерняющий, порочащий) обусловлено пониманием условий существования в России и Китае как истерических или параноидальных.

Связь эпитета «*gleeful*» (весёлый, радостный, ликующий) с гибелью, убийством человека в данном случае помогает журналисту расценивать В.Путина как «чужого» человека, а именно способного на преступления.

Таким образом, концептуальная специфика «чужого» реализуется за счет использования лексики, имеющей отрицательную стилистическую окраску. Журналисты используют такого рода лексику в составе фигур языка (эпитеты, метафоры, риторические вопросы), которые однозначно формируют образ враждебного политика.

Выводы по главе 2

Таким образом, диада «свой - чужой», тесно связана с противопоставлением либеральных и демократических ценностей Запада всему тоталитарному и связанному с агрессией и насилием.

На сегодняшний день в англоязычных СМИ можно проследить представление России и всего, что с ней связано в виде образа «чужого». При этом освещение получает не только актуальное положение дел, делается также отсыл к историческим событиям, которые также трактуются, как «чужие» и «враждебные».

Концептуальная диада формируется посредством представления всего российского в виде «чужого», а всего западного в виде «своего». Как показал анализ, при формировании в создании читателей данных образов активно используются языковые средства, такие как гипербола, метафора, риторические вопросы, эпитеты, оценочные выражения.

Когнитивная специфика данной диады обусловлена использованием таких стилистических приемов, как, прежде всего, эпитет, метафора и риторический вопрос, так или иначе связанных с выражением позитивной оценки всему миролюбивому и демократическому и негативной оценки всему агрессивному и антидемократическому.

Осознание того, что Россия и Израиль склонны к агрессии, стимулирует англоязычную прессу к выражению несогласия с действиями этих государств. Журналисты используют данные политические условия для представления стратегических противников своей страны в образе «чужого». Понимание того, что Украина и Палестина испытывают агрессию, оказываются в роли жертвы, стимулирует англоязычную прессу к выражению солидарности с этими государствами.

В целом, в англоязычной прессе, активно противопоставляющей демократическую систему ценностей антидемократической, доминирует понимание чужого как воинственного, лживого и коррумпированного. Англоязычные журналисты интересуются событиями в мире не самими по себе, а озабочены развитием политической картины мира, стремятся к предотвраще-

нию различных конфликтов, для чего выяснение всех подробностей той или иной проблемы (указания всех возможных виновников, факторов, мотивов, возможных аналогий и последствий) оказывается важным.

В целом понимание англоязычными журналистами своего и чужого обусловлено соблюдением в той или иной стране прав человека, склонности тех или иных политиков к миролюбивой или агрессивной политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные англоязычные тексты СМИ, связанные с пропагандой демократической системы ценностей Запада, характеризуются активным выражением позитивной и негативной оценки, экспрессивностью, политической маркированностью использующейся лексики.

В целом, мы можем согласиться с Ю.А. Храмовой, настаивающей, что лицемерие противно рядовому британцу и американцу и расценивается им как «чужое», а искренность и правдивость рассматриваются ими как «свое».

Многие современные англоязычные тексты СМИ в целом стремятся рассказать всё о сложностях современной обстановки в мире, не привирая и не утаивая правды.

Для большинства англоязычных текстов СМИ концептуальная диада «свой - чужой» является важнейшей, поскольку они нацелены на культивацию своих либерально-демократических ценностей и осуждение проявлений агрессии, угнетения, причинения другому человеку или государству вреда.

Англоязычная пресса стремится повлиять на всех участников коммуникации, стимулировать читателя понять разнообразно представленную в текстах СМИ точку зрения, что страны Запада стремятся к соблюдению прав человека, воздерживаются от агрессии и убийств.

Англоязычная пресса последних лет представляет собой сплав различных взглядов и мнений, множественность которых обеспечивается при помощи разнообразных по своему характеру лексических и стилистических средств, так или иначе связанных с концептуальными диадами другого рода «демократия \ деспотия», «мир \ война», «уважение прав другого человека и государства \ пренебрежение ими».

Активное использование лексических средств, связанных с вооружением, произволом и агрессией связано с осуждением с всего воинственного и криминального как чуждого Западу.

Реципиенты СМИ, имеющие более свою возрастную, сословную или тематическую ориентацию, воспринимая информацию когнитивно, вынуж-

дены вступать в диалог с журналистом, разделить его мнение или же высказать свое несогласие с пониманием, например, оккупации Израилем Палестины как политики, заслуживающей осуждения и презрения.

Понимание «своего» как дружественного, демократического, миролюбивого подталкивает англоязычную прессу к осуждению, например, России, Советского Союза, Северной Кореи, Израиля и даже отдельных западных политиков (Трампа), симпатизирующих проявлениям тоталитаризма.

Прагматическая задача авторов англоязычных текстов СМИ состоит в убеждении читателя, что Великобритания и США стремятся к миру, а потому они разрабатывают специальный сценарий и конкретную логику аргументации, стремясь представить свое мнение о политике враждебных им стран, как агрессивной и антигуманной максимально экспрессивно.

Интенсивно используемые в англоязычных СМИ связанные с выражением негативной оценки проявлениям насилия и позитивной оценки проявлениям миролюбия и демократии эпитеты и метафоры, например, во многих случаях стимулируют читателя переосмыслить свои привычные стереотипы, коренным образом изменить свое отношение к политическим событиям, понять представленное в тексте СМИ мнение автора о современной жизни в России и возможностях ее изменения в будущем, проявить солидарность по отношению к автору или выразить свое категорическое несогласие. Кроме того, метафора, как и эпитет во многих случаях стимулируют читателя разделить свойственную автору систему либеральных / антиолигархических/ неавторитарных ценностей. С пониманием чужого как антидемократического / олигархического/ авторитарного соглашается и читатель, поскольку он заинтересован в том, чтобы его права, права любого другого человека и государства на право личной жизни \ суверенитет беспрекословно соблюдались.

Выражение в современных англоязычных периодических изданиях широкого ассортимента речевых стратегий (противопоставления, аналогии, дискредитации, модальности и т.п.) обусловлено несогласием с действиями агрессоров, стимулированием читателя к тому, чтобы он не стал подпевалой,

подхалимом преступных стран, действия которых делают обстановку в мире воинственной и напряженной.

